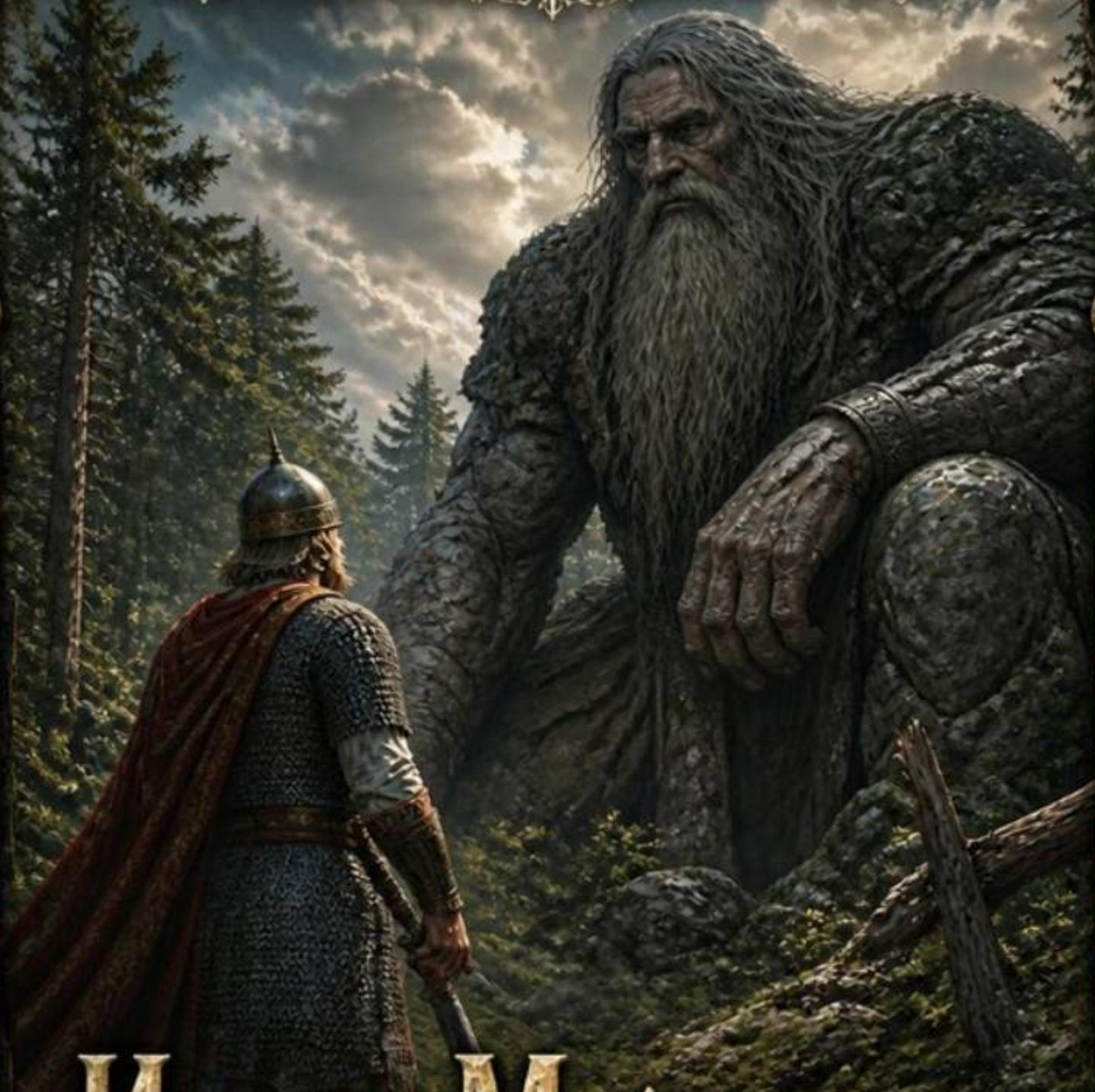

Алексей Лишний

Илья Муромец
и
Святогор

Небылины

Алексей Лишний

Илья Муромец и Святогор

«Автор»

2025

Лишний А.

Илья Муромец и Святогор / А. Лишний — «Автор»,
2025 — (Небылины)

Познавший горечь предательства и несправедливого судейства, Илья Муромец оставляет княжескую службу, чтобы найти предназначение в первозданной чистоте дремучих лесов. Эта дорога сталкивает его с мистическими тайнами Нави, лукавым духом Аукой и исполинским витязем Святогором. Но когда Чернигов обступает безжалостная орда печенегов, Илье приходится вернуться из лесного уединения, чтобы принять смертельный бой на рассвете и защитить народ. Динамичная и глубокая история переворачивает привычные былинные каноны. Илья Муромец здесь не идеальный супергерой, а живой человек, ищущий правду. Богатырю предстоит узнать, в чем же кроется истинная сила. Погрузитесь в мир, где оживают заветные пути славянских легенд.

© Лишний А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Илья Муромец и Святогор	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алексей Лишний

Илья Муромец и Святогор

Илья Муромец и Святогор

Глава 1

– Бей! Бей! Бей! – раздавалось отовсюду, даже будто из-под земли голоса требовали покончить с ним.

В висках поселилась упрямая боль, и, чтобы выдворить её оттуда, Илья мечтал окунуть голову в бочку с ледяной водой. Но в княжеском дворе не было ни бочки, ни даже ушата воды – одни зеваки плотным кольцом обступили борющихся. Сам князь восседал на изысканном резном деревянном сиденье в окружении старших дружинников, стоящих за спиной.

– Бей! Бей! Бей! – злобный хор жаждущих крови горожан исполнял стройный гимн безумной жестокости. То ли полдневный жар, то ли чужая боль заставляли их требовать насилия.

Прикрыв лицо предплечьями, Илья стойко переносил пинки.

– Бей! Бей! Бей! – требовали мирные черниговцы, которым он верой и правдой служил первые месяцы своей новой жизни. Так Илья называл время, когда он наконец встал на ноги после тридцати трёх лет лежания на печи.

И вот он снова лежит. Поверженный в кулачном бою потешным Карапузом.

Спору нет, Карапуз вовсе не плох. Да и только.

Княжеский любимчик.

С густой чёрной шевелюрой, стоячей возле лба, как у петуха. Безбородый, длинный, словно шест, и пучеглазый. Казалось, справиться с ним было делом одной минуты.

Решил Илья сразу «пустить звонаря» – садануть сбоку по уху – и с первого же удара оглушить противника, но оказался юрким Карапуз: отпрянул корпусом назад, а потом упал, кувыркнулся, прямо за спиной оказался и за рубаху Илью дёрнул, так что покачнулся богатырь. Тут же нога шустрого бойца подсекла его стопы, словно жнец колосья.

Повалилось могучее тело на твёрдую землю: локоть правой руки ушиб Илья, а голова так и вовсе об острый камень гулко ударилась. Закружилась в танце недолгая вольная жизнь перед глазами, а потом раздалось тошнотворное: «Бей! Бей! Бей!»

Бить он умел славно. Вместе с целебной водой калик перехожих влилась в Илью сила самой земли русской. Остановил он крепкой ладонью в который раз летевшую сверху стопу Карапуза, вверх её поднял, отчего противник сам на землю свалился. Кое-как, несмотря на боль в голове, приподнялся Илья. Больше, чем боль от ударов, съедало его негодование: где это видано, чтобы кулачный бой так проходил? И ногами драться, и за одежду хватать, и лежащего бить!

Ладно... Во время боя враги не жалуются. Они дерутся до победы.

Встал на ноги Илья и сразу же под дых нечестивца ударил. Всей мощью и по правилам отыгрывался за унижение. Отлетел Карапуз, будто назойливая мошकारа, в собравшуюся на княжеском дворе толпу. И недавние доброжелатели вытолкнули тело своего героя обратно на поле боя. Там его встретил Илья штыковым ударом в живот, а потом стал бока отмочаливать.

Еле держался на ногах Карапуз, жалко было и смотреть. Остановился Илья, понадеявшись, что воспользуется шансом и сдастся противник. Но тот молчал и желтозубо улыбался. А потом вдруг собрался с остатками сил и пнул Илью в промежность. Покраснел богатырь

и пополам согнулся. Верх бесчестия для обоих бойцов. Медленно распрямился Илья, чтобы отомстить подлецу – теперь-то пощады не будет!

– Победил Карапуз! – прогремел низкий баритон княжеского голоса с крыльца терема.

По двору разлилась тревожная тишина. Никто не спешил поздравлять Карапуза, но никто и не смел перечить князю.

Илья трясся от неимоверной несправедливости. Как можно отдать победу человеку, которого следовало изгнать с позором со двора за нечестный бой?

– Победил Карапуз! – повторил князь, и боярин, следивший за соблюдением правил, тут же побежал вручать мешочек с серебрениками названному бойцу.

– Он подло бился! – возмутился Илья, схватив за длинный рукав боярина. – Ты сам куда смотрел, когда в кулачном бою ноги в ход пошли? Кто должен за порядком следить?

– На то воля княжеская, – пожал плечами тот и попытался высвободиться, но не получилось: крепко держал его богатырь.

– На что? Чтобы людям глаза закрыть и разум помутить?!

Не отвечал боярин и ждал лишь, когда отпустит его рукав богатырь. А уж он это точно сделает. Против воли княжеской никакая сила устоять не могла: ни мирская, ни церковная. Захотел драку посмотреть – и прямо у себя на дворе кулачный бой устроил. Попы хмурились, но смолчали.

Вот и сейчас получил подтверждение силы этой воли: заметил двоих молодцев, тоже посланных от самого крыльца. Илья их увидел и признал. Младшие дружинники, братья по оружию.

– Отпусти, Илья, – с серьёзным лицом пробасил первый. Очень серьёзным. Ведь сейчас приказывал человеку старше себя и сильнее.

– Ну как же так? Вы же сами всё видели! За что победу Карапузу отдавать?! Помогите, братцы. Я ж за честь стою и справедливость.

– Илья, ну отпусти. Давай уже поскорее, – быстро проговорил второй, не глядя в лицо богатырю, а смотря куда-то сквозь плечо на недоумевавших горожан. – Князь волнуется.

Отпустил богатырь боярина, махнул рукой на дружинников и, разочарованный, затесался в толпе, стараясь стать незаметным. Прислушивался к тому, что народ говорит.

Обсуждали разное: ярмарку после Троицы, половецкие набеги, цены на мёд. Но почему-то о бесчестном бое никто и словом не обмолвился. Странно даже: неужели не понимали черниговцы, что незаслуженно Карапуз победу забрал? Или?..

– Княже, тяжёл мешочек, – жаловался Карапуз, для смеха опустив правую руку, будто не мог поднять серебреники. – Мне для равновесия бы второй не помешал.

Первым захохотал боярин, стоявший возле Карапуза. Натужный смех подхватили дружинники, братья по оружию. Глядя на них, хватались за животы и нагибались чуть ли не до земли стоявшие рядом черниговцы. Сам князь гаркнул что-то вроде: «Хватит с тебя пока и одного».

Илья не слышал – ему стало невыносимо тошно. Он умел проигрывать. Но в честном бою. А здесь просто пир несправедливости, чьё имя – «воля княжеская». И нет дружбы, долга и закона.

Сел Илья на брёвна и стал смотреть на людей, копошащихся во дворе: вот тощий мужик, позабыв свои невзгоды, ждал чужой боли или чужой победы; вот рыжий мальчишка корчил рожи соседу; вот нищий бродил с протянутой рукой; вот дородная женщина ругала глупое дитя, перемазавшееся в глине.

Отстранённо смотрел на всех Илья, чувствуя себя великаном возле муравейника.

Князь улыбнулся, когда на новый бой вышел Карапуз, важно уперев руки в боки, – все довольны.

Князь нахмурился, когда дружинник Леонтий Карапузу расквасил нос, – все тревожно закачали головами.

Куклы-марионетки.

Илья встал с лавки и пошёл залечивать душевные раны в любимое место в Чернигове – дремучий лес на окраине. Сколько страшных историй о нём он слышал от братьев по оружию и старых бродяг, но, кроме следов диких зверей, ничего таинственного не видел даже в самой чаще богатырь.

– Победил Карапуз! – с одобрительным хохотом разнёсся княжеский голос по округе.

– Я-то от грязи отмоюсь, – громко вещал поверженный Леонтий, катаясь по сырому песку. Наверняка тоже победа досталась Карапузу нечестным путём. – А ты, княже?

«Это приговор, – подумалось Илье. – Жаль Леонтия. Храбрый был воин».

Не спасти Леонтия, не спасти Чернигов – понял это Илья, входя под своды бескрайнего леса, в первозданную чистоту, которую не купить и за горы серебреников.

Чистота встретила богатыря тучей надоедливой мошкары. Всё время что-то пищало возле ушей; на загривке и спине ощущалась лёгкая щекотка, хотя Илья то и дело потирал шею ладонью и шлепал кулаком по кольчуге.

А чего он ждал? День ясный, жаркий, солнечный – всякая тварь и прячется в лесной прохладе. Даже в дивных снах, наверное, не грезит о таком подарке судьбы – мясистом и полнокровном огромном существе, полностью безоружном: забыл от сильной обиды Илья перед походом в лес хотя бы чеснок пожевать...

На счастье, увидел вдоль тропы пару стебельков полыни. Листочки с них оборвал, сильно смял и натёр ими лицо, шею и кисти рук – всё чуть меньше гнус потревожит. Пускай и дальше лишь во снах об Илье мечтает!

Глупо получается: ведь шёл сюда не от назойливых комаров отбиваться, а ответы искать. Как дальше служить князю, который волю свою использует для потехи одной? Как пережить поражение, когда честно победил?

Не готовили его к такому отец и мать. Разговаривали они с сыном обычно по вечерам, лёжа на полатах, или по субботам и неделям, рассказывая о том, как люди за пределами их избы живут; учили, что правильно, а что постыдно. Узнал от них Илья все пословицы и поговорки, загадки и присказки. Но нигде и речи не шло, чтобы несправедный суд народ принимал, да ещё и почитал кривого судью.

Кто же обманул Илью: родители или черниговцы?

Долго шёл по тропе в тяжких сомнениях богатырь, не боясь безоружным повстречаться с врагом страшнее мошкары. То ли не верил слухам, то ли обида подбрасывала поленьев в очаг безразличия: хотелось даже, чтобы встретилось на пути чудище трёхголовое – ох уж отыгрался бы на нём Илья. Голыми руками бы придушил зараз одним захватом.

Как вдруг пробудил от оцепенения богатыря детский плач. Ребёнок звал на помощь отца: разносилось визгливое «тятя» меж высоких сосен.

Проснулся Илья.

Побежал на голос напролом сквозь колючие ветви, не боясь заблудиться – здесь он знал каждый кустик.

Плачущий мальчик шёл по еле заметной тропе, надеясь, что она не оборвётся. Шаг за шагом он искал её продолжения в смятых стеблях лопухов и чёрных пятнах земли на плотном хвойном настиле. Порой он выкрикивал «тятя», но с каждым разом всё тише и тише, будто свыкаясь с тем, что никто не ответит. Никогда.

– Эй, малой, – окликнул его Илья, отчего мальчишка сначала испугался, подозревая худшее – разбойников или нечисть лесную, но потом обернулся и тревога ушла с лица: брови

опустились, губы перестали дрожать. Повстречать в лесу черниговского дружинника – о таком он уже и мечтать не смел. – Ты идёшь не в ту сторону, если хочешь в город вернуться.

– Ась? – чересчур обрадованный, мальчишка слышал слова, но не понимал смысла.

– Да по тропинке, говорю, ты сейчас идёшь больше в земли половецкие, чем в Чернигов, – ухмыльнулся Илья, довольный хорошим окончанием отвратительного дня. Какая разница, как оценят тебя в чужом состязании? Суметь спасти жизнь – разве не лучшее всякой награды?

– Тебя как звать-то, малой?

– Артемий я, – жалобно назвался мальчик и вежливо спросил в свой черёд: – А ты? Ты, дядь, ведь дружинник?

– Он самый, – приветливо отвечал богатырь.

– Точно?

– Да точно, точно. Такой маленький, а уже подозрительный, словно боярин.

– Тятя мой боярин.

– Эвона как... Что же ты в лесу один делаешь?

– Не один я был. Много нас было. Тятя мой на охоту отправился. Нас на охоту всегда много народу ездит – вся дружина тятина, собаки, мужики. Я заскучал – не умею ещё стрелять и один в седле сидеть. Гулял по лесу, как вдруг услышал голос. Смешные слова он говорил и будто звал поиграть. Я стал с ним переговариваться, отошёл от тятиных дружинников недалеко. А потом... Заигрался я... Не нашёл и следов обратно. Стал аукать, и мне в ответ кто-то тоже кричал: «Ау!». Я на голос шёл, долго шёл... Обманывал меня он, совсем запутал, в незнакомые места привёл.

– Вот почему ты потом стал отца звать, а не аукать?

– Да. Станный этот лес какой-то, словно хочет заманить и съесть...

Оглянулся Илья, проверяя, не подслушивает ли кто.

– С лесом всё в порядке. Он древнее самого Чернигова. Здесь можно себя найти, но никак не потерять.

– Я опять не понимаю...

– Не лес тебя заманивал, говорю. Он не в ответе за существ, что в нём живут. Вот за наши с тобою дела не лес отвечает. И не лес в ответе за отца твоего, который с дружиной сюда пришёл поохотиться.

– Кто же кричал «Ау» мне в ответ?

– Хочешь узнать?

– Конечно!

– Тогда давай проверим! – подзадоривал Илья. – Кричи снова.

Стал аукать Артемий, громко, тоненьким детским голоском. И сразу же отозвалось ему с места, скрытого от глаз высоким ивняком и камышом ответное «Ау», жутковатое, с завыванием.

– Оттуда кричат, – распознал направление мальчишка. – Идём?

Илья покачал головой.

– Если туда отправимся, в топях сгинем, – тихо проговорил богатырь.

Задрожал Артемий, услышав о смерти. Живо представил, как вязнет тело в зелёной мути и остаются лишь пузыри от того, что с самого рождения было любимым малышом.

– Надо нам в обратную сторону идти.

– В обратную? – переспросил Артемий, потому как по привычке слушал, но не слышал. Мысли его витали до сих пор в туманах над болотом.

– Есть подозрение у меня одно, – загадочно говорил дружинник. – Пойдём-ка.

От камышей в противоположную сторону повернул и сквозь валежник по хрустящим веткам отправился в дремучую чащу. Некуда было деваться Артемию – сам согласился узнать,

кто же с ним играет. Опасаясь змей и прочих гадов, осторожно ступал он, пытаясь попасть в еле различимые на земле следы богатыря.

– Дядь, ну а ты чего в лесу один гулял? – рассматривая широкую спину, за которой становилось совсем не страшно за свою жизнь, Артемий вдруг разговорился.

– Я-то? – переспросил Илья, чтобы потянуть время: не знал он, как ответить сыну боярскому.

– Ты. Я о себе всё рассказал. Тятя меня ещё, наверное, не хватился даже. Он охотиться любит. Вот домой будут возвращаться – там, может, и вспомнит. И достанется же ему от матушки – с той бы я точно не потерялся. Если б только исчезать не научился...

– А я расстроился сильно, – перебил словоохотливого мальчика Илья. – Я если плохо себя чувствую, всегда в здешний лес хожу.

– Кто же тебя обидел? – из вежливости спросил Артемий. Ему неинтересны были дела большого дяди-дружинника, но тот стал его спасителем и надёжным спутником.

– Князь черниговский.

– Вот это да! Наказал он тебя, что ли?

– За что меня наказывать? Служу я верно... Дело было так: в кулачном бою я сегодня выиграл, а князь сказал, что проиграл. Не столько денег победных хочу, сколько за ложь обидно. И лицо этой гниды, которую я пожалел, знаешь, такое противное... Не жалею гадов – они потом в спину ударят. Запомни, малой.

– С Карапузом дрался? – спросил Артемий, и богатырь остановил занесённую над поваленным дубом ногу, резко развернулся и склонился над мальчишкой.

– Ты-то о нём откуда знаешь?

– Тятя рассказывал. Карапуз не здешний. Он с какой-то Булкарии приехал. Она далеко. Где-то на восходе.

– Не слышал о такой стране. Может, отец твой сказки рассказывал?

– Нет, не сказки. И это он не мне, а с дружинниками вечером за чаркой вина говорил. Я просто рядом сидел. А я же всё слушаю – они меня и не замечают. Даже самого князя порой тоже осуждают – а я слышу, но молчу. Хоть и страшно мне. Вдруг за такие разговоры придут за тятей и в погреб княжеский посадят. Ой, так ты же тоже служишь князю! – вскричал Артемий и рот себе ладошкой прикрыл. – Но... Ты же не скажешь ничего ему, правда?

– Не скажу, – пообещал Илья и вдруг сжал пальцами подбородок, будто хитрую вещь придумал. – А что такого они про князя говорят, поведаешь?

– Нет, – упёрся Артемий. – Ты меня спас. Спасибо тебе. Но тятя мне дороже. Прости.

– Ладно... – отвернулся Илья и дальше зашагал. – Правильно делаешь. Давай-ка ещё раз аукни.

Послушался богатыря мальчишка и прокричал три раза «Ау!». Откуда-то слева отозвался воющий голос. Илья тут же повернул направо и твёрдой поступью стал мять разросшуюся полынь.

– Зато я знаю, почему Карапузу победу присудили, – внезапно заявил Артемий, ступивший на заросшую высокой травой прогалину. – Князь тайно с этой самой Булкарией торговлю ведёт. И недавно получил от хана много соболевых шкур. Дар дружбы.

– Вот оно что! – Илья встал как громом поражённый.

Артемий испугался. Вдруг навредил чем-то тятю, выболтав незнакомцу правду?

– Что оно вот?

– Да то... – глубокомысленно поделился Илья, снова погружаясь в неприятные воспоминания. Теперь хотя бы стала ясна причина торжества лжи. Карапузу всё можно, потому что у него есть важный покровитель. А Илья кто? Крестьянский сын. От его победы князю ни холодно ни жарко.

– Какое «то»? – продолжал любопытствовать мальчишка.

– Такое, – твёрдо ответил Илья. – Уходить пора со службы княжеской. Нет здесь правды и чести.

– А где она есть? – с интересом спросил Артемий, прищурившись от луча солнца, прорезавшего густое сплетение крон разросшихся дубов.

– В народе, говорят, бывает.

– Кто говорит?

– Отец с матушкой. Они сами живут правдою, как и всё Карачарово. Трудом кормятся и всю Русь кормят. Таких людей и стоит защищать... В благодарность накормят и напоят – мне большего и не надо. Больше людей портит. Как вот князя вашего...

Ничего не отвечал Артемий на мудрёные слова богатыря. Может, когда-нибудь он вырастет и поймёт, что такое правда и честь, из-за которых так беспокоится Илья. Но сейчас его больше беспокоила дорога, а точнее то, что её не было – приходилось перешагивать через поросшие плющом валуны и коряги, нагибаться, пролезая под толстыми поваленными стволами.

– Кажется, мы и дошли... – вырвавшись из плена грустных мыслей, богатырь наконец указал на сваленные в кучу ветки и колоды, напоминавшие по виду бобровую плотину. Но реки поблизости и в помине не было.

– Это что? – спросил Артемий, приближаясь к строению, едва доходившему до пояса.

– Дом твоего похитителя, – почему-то усмехнулся дружинник, словно шуткой было всё: и в лесу потерявшийся мальчишка, и едва в болоте не утонувший мальчишка...

Осторожно ступая по крохотным моховым тропкам, Артемий подошёл к домику, сел на четвереньки и постучал в будто бы наспех сколоченную дверь из коры и толстых сучьев.

На стук никто не вышел.

Артемий встал, к богатырю повернулся и развёл руки в стороны: мол, твоё обещание – обман.

И вдруг дверь с шумом распахнулась и из домика вышел пузатый старичок с круглыми румяными щёчками. Он недовольно осмотрел гостей, махнул рукой и пренебрежительным тоном заявил:

– Ладно. Победили вы меня. Ты, здоровяк, видно, опытный уже? Или ты, малой, сказок наслушался?

Артемий смотрел на человечка во все глаза.

– Наверное, здоровяк опытный: мне матушка с батюшкой много сказок поведали за тридцать-то лет. Не знал, что из этого правда, а что вымысел. Но сегодня вот понял, что ты, Аука, существуешь. Мы тебя нашли, так что давай подарки нам.

– Эвона ты какой резвый. А может, про подарки-то, как раз и выдумка, а? – лукаво, с подмигиванием спросил маленький толстячок.

– Тебе лучше знать, – ответил Илья Муромец. – А коли подарков не будет, я тебя и хижину твою по-богатырски разукрашу за проделки с бедным мальцом.

– Ишь чего выдумал: напугать решил меня! Как родится маленький человечек, так и скоро и считать начинает, будто он тут главный. А до него дурачки одни жили. Я же, Илья, тут и до тебя жил, и до деда твоего...

Пока говорил смешной человечек, он вместе со своим домиком всё больше прозрачным становился и вдруг совершенно пропал. Один голос звенит, а рядом даже воздух не дрожит.

– Чудеса да и только! – поразился Илья.

– Мне бы так научиться, – присвистнул Артемий.

– Опять сегодня меня без награды за победу оставили, – заметил богатырь, словно посмеиваясь уже над тем, что совсем недавно казалось трагедией.

– Так зачем ты, дядь, дедушку обидел? Он вроде бы не злой был.

Посмотрел исподлюбя Артемий на богатыря и показалось ему, будто за миг вдруг изменился Илья: лицо потемнело, морщинок мелких прибавилось и глаза – они совсем иными стали. Словно другой богатырь сквозь них мир рассматривал.

– Верно, малой, – выдохнул Илья, избавляясь от невидимого тяжкого груза на душе. – Часто самое сложное – это сказать, что был не прав.

Поклонился богатырь в пояс тому месту, где совсем недавно находился маленький домик лесного человечка.

– Прости меня, Аука, за грубость и не сердись.

– Прощаю, богатырь, – ответил старичок, и тут же снова появился вместе со своей хижинкой. – И даже награжу, чтобы оставалась у вас добрая память об Ауке. Но не камнями самоцветными, а путями заветными. Тебе, Артемий, обещаю жену-красавицу, племянницу княжескую...

– Жену? – испугался мальчишка.

– Не сейчас, – успокоил старичок. – В своё время...

– Так князь-то наш старенький и племянниц нет у него.

– А кто сказал, что я о черниговском князе речь веду? – прищурился лесной житель, и его щёчки окрасились в пунцовый цвет – видимо, от удовольствия. – А тебя, Илья, я уже наградил. Согласен ты со мной?

– Ещё бы нет, – загадочно ответил Муромец, с почтением рассматривая маленького пузатого старичка.

Глава 2

Совсем позабыл Илья о приключениях в лесу, пока ехал по стёжке в чистом поле из Чернигова в новую жизнь, неведомую, но правильную. Не то что служба продажному князю...

Обида до сих пор томила богатыря, не радовали даже ароматы душистой тимофеевки, овсяницы и медового клевера. Не мог прочувствовать он себя тем самым Ильёй под тем самым небосклоном. Будто не он едет, а одно лишь тело.

Со всеми делами в городе разобрался: князь отпустил, даже не уговаривал остаться; малого отцу в дом вернул – тот благодарил, особенно супруга его рассыпалась в лестных словах и прочила богатые дары, но Илья лишь откланялся и ушёл. С Аукой, правда, как-то неудобно вышло... И вроде бы показал Артемию чудо, но топорно получилось – и вспоминать не хочется.

Тяжёлые думы то и дело тревожили богатыря в долгом пути, пока не показалась в стороне от стёжки небольшая деревушка в пять-шесть крестьянских изб, спрятанных в тени кромки дремучего леса.

Подъехал Илья к первой избе, спешился и в дверь постучал. На стук вышла девочка лет семи. Увидев крепко сложенного воина в шлеме и кольчуге, она тут же отпрянула.

– Кто там? – старушечий голос из глубины дома заставил её опомниться.

– Чужак, – ответила девочка. Сразу же раздалось громкое шарканье, и в дверном проёме появилось круглое лицо, всё в морщинах и рубцах. Щурясь, старуха подозрительно всматривалась в Илью.

– Я богатырь русский, народу помощник, – представился тот. – Могу и вам подсобить. Накормите в ответ, так будет это мне и платой за работу.

– Ходят тут, шастают по домам, пока мужики в поле, – ворчала старуха, но дверь не закрывала. – Ищешь, чай, чего своровать? Али ты на девок падкий? Наша-то мала ещё...

– Помочь, говорю, желаю. По-мочь. Надо дров наколоть? Могу починить забор или мост... Вон в бане, например, у вас просветы меж брусьев видны...

– Ничего. Детишки к осени законопатят.

– Раз просветы видны, значит, один край ниже стал. Я пойду приподниму, подложу что-нибудь...

Пока говорил Илья, сам времени не терял. Старуха с внучкой так и стояли в дверях, глядя, как могучий незнакомец край бани, поднатужившись, приподнял и ногой под угол сруба протолкнул плоский булыжник размером с голову. Ровно встала баня, и все просветы вмиг пропали.

– А ведь и, правда, богатырь! – подивилась бабушка. – Откуда силы столько в тебе?

– От Бога, – признался Илья, чувствуя однако ноющую боль в плечах. – Калики переходят святой водой исцелили меня. Хворь пропала, сила появилась.

– От какого бога? – поинтересовалась девочка.

– В Градиборово старым богам поклоняются, а не греческому, – пояснила старушка. – Внучка не знает ещё вашего бога, ей не рассказывали.

– А как его зовут? – допытывалась у Ильи девочка, пока они стояли на пороге.

– Никак не зовут, – улыбнулся богатырь. – Зачем нужно имя, если ты один? Вот ты была бы одна на свете ребёнком – все бы тебя так и называли: «маленькая девочка».

– Я Вторуша, – призналась внучка. – Но я в деревне и так одна маленькая девочка. Остальные выросли. Или мальчики.

Старухе надоела Вторушина болтовня, и она отправила её внутрь избы, а сама впустила богатыря и на лавку возле печи усадила. Из большого чугунка налила тёплой похлёбки, дала краюху хлеба.

– Ешь, – сказала она и в улыбке обнажила оставшийся от челюсти жёлтый клык. – Заслужил...

– Спасибо, бабушка, – поблагодарил Илья, прежде чем приступить к долгожданной трапезе. И не думал сам, что так голоден, пока не учуял манящий запах из миски. – Но я послужить хочу вам и ратным делом. Не докучает ли кто разбоем? Нет ли в лесу чудищ?

– Сказал тоже... чудищ. Волки, кабаны, медведи заходят, конечно. А как без них? Но ты же лес от них не очистишь. Да и без надобности это: живём, друг друга не трогаем.

Вкусной показалась похлёбка на голодный желудок, но духом пал Илья: как же так могло получиться, что нет надобности в богатыре у народа?

– Бабушка, а великан? – спросила девочка, тронув за локоть старушку.

– Глупости всё это.

– Какой великан?

– Не слушай её – мала да глупа.

– Дядя Глеба к нам заходил и рассказывал, будто в лесу ходит великан: большущий человек, с гору, говорит. И неведомо как земля его носит, – широко раскрыв глаза, рассказывала Вторуша.

– Говорю же: глупости, – перебила бабка. – Глебке Шальному верь больше. Сам бродяга нищий, а разговаривает, будто прорицатель какой. Одно прозвище чего стоит: дельного человека Шальным не назовут. Ты вот хоть делом помог, а тот днями напролёт ляссы точит. Вон смутил девчонку рассказами...

– Может, он тоже калика перехожий? – предположил Илья. – Они слов на ветер не бросают.

– Ну и ладно. Мы здесь, в Градиборово, живём, никого не трогаем, ни к кому не лезем, а в лесу хоть медведи, хоть великаны – лишь бы к нам не совались. А ты приляг на печи, отдохни с дороги. Вечером вернутся наши мужички, у них и порасспрашиваешь, кому кто докучает.

Не стал спорить с бабушкой Илья. Похлёбку доел, потом всех кукол Вторушиных, из веток сплетённых, просмотрел, поиграл с ней в прятки – еле протиснулся меж лавкой и сундуком, накрыв себя старым кафтаном. А уж после та тоже позволила гостю поспать.

Станный сон привиделся: стоит будто бы Илья вместе с мальцом Артемием в лесу черниговском и на Ауку смотрит. Тот поучает их, с муравьями, шмелями и червями сравнивает. Говорит, что все равны они перед ним – только срок у каждого свой. А вот Илья решил, будто сила возвышает его...

– Вставай, лежебок! – Бабка ткнула локтем в плечо. – Люди вернулись.

Проснулся от тяжёлого сна богатырь, и не почувствовал даже, что отдохнул.

Слез с печи, Вторуше подмигнул и во двор вышел. Услышал громкие разговоры, споры, ругань – жизнь вернулась в деревню. Вот и найдётся работа богатырю...

За воротами и, правда, сталолюдно, но разговоры вмиг стихли, едва в народе заметили чужака.

– А ты кто таков? – первым спросил низкорослый усатый мужчина, которого появление Ильи больше прочих обеспокоило. Видимо, отец Вторушин.

– Илья Муромец я, богатырь.

– Вон оно как... Богатырь, – повторил мужчина, поправляя усы указательным пальцем. Позади него раздались смешки. – А у меня дома что богатырь позабыл?

– Я ж дела ратного ишу. Но матушка ваша сказала: нет в округе ни чудищ, ни разбойников. Коли не беспокоит вас никто, так поблагодарю вашу семью за гостеприимство и дальше в путь отправлюсь.

Смотрел на Илью хозяин и думал, как поступить: странным был гость, болтал чушь несусветную. Или ворьё теперь по-новому зубы заговаривает?

– Твоя лошадь?

– Да.

– Давай-ка сумки выворачивай – проверим, нет ли там моего добра, – решился на смелый ход мужчина, чувствуя за спиной поддержку друзей.

Насупился Илья, предчувствуя нежеланную драку. Как-то неправильно всё пошло: хотел защищать народ от зла, а сам же и биться с мужиками станет ни за что ни про что.

– Ты меня за кого принимаешь, добрый человек? Разве не сказано было, что я богатырь и ратного дела ищу?.. Коли ты меня в несправедном чём-то обвинять вздумал, тогда биться с тобой будем. Не хочу я этого, но напраслины терпеть тоже не собираюсь.

Смотрел мужик на огромного воина в кольчуге и не решался биться с таким. Бросил взгляд на соседей и родичей в надежде на помощь. Те обступили телегу с сеном. Из оружия были только вилы. Да топор у деда Всеслава.

– Если ты такой хваленый богатырь, может, колдуна, что на отшибе живёт, приберёшь? – прервал тягостное молчание высокий кудрявый молодец в красной рубахе.

– Да перестань!

– Не замай!

– А что? Колдун с покойниками разговаривает – я сам видел! – недовольный тем, что его не поддержали, он отвернулся от всех и стал крепко к седлу звенящий мешочек привязывать.

– И вообще у князя теперь новая вера в почёте: там всех ворожеев судить принято. А можно было бы и без суда... Эх, темнота!

– Князю до нашего Градиборово дела нет, – выкрикнули в толпе.

– Сюда ни один князь с самого основания деревни носу не казал, – поделился дед Всеслав.

– И не покажет ещё тысячу лет.

– Колдун живёт, нас не трогает, в нашу жизнь не лезет, – отец Вторушин снова красивые усы пальцем пригладил, – вот и мы в его дела соваться не станем.

Незаметно улыбнулся Илья, услышав знакомую песнь – видимо, удобный завет в их семье передаётся от отца к сыну...

– Не суйтесь, конечно. Но попомните вы мои слова... Попомните! Вот орда мертвецов из лесу нагрянет... – напоследок предупредил зловещим тоном молодец, на коня вороного сел и поехал прочь из деревни, увозя опустевшую за день торговли телегу.

Кто-то усмехнулся ему вслед, но большинству не понравились слова юного купца. В толпе начались перетолки. Дед Всеслав предлагал старосте сходить к колдуну и поговорить по-мужски о том, чем же там он занимается на самом деле.

Пока все горячо спорили, о богатыре и думать перестали. Понял Илья, что не добиться ему ничего путного во враждебной толпе, и решил побольше разузнать про колдуна от самого рассказчика. Нагнал его у выезда из Градиборово. Поравнявшись с его вороным, окликнул молодца:

– Эй, добрый человек, расскажи-ка мне побольше о колдуне.

Очнулся, будто ото сна, юноша и с удивлением рассматривал богатыря, не понимая, был ли он продолжением его мечтаний или же во плоти рядом ехал.

– Да рассказал я уж почти всё. Колдун он. Это все знали с тех самых пор, как я ещё первый раз здесь оказался. Живёт в лесу, неведомо что ест и пьёт, невесть сколько лет ему и откуда силы черпает. Народ ходил к нему много раз за лечением от хвори али по другой надобности...

– Какой же это?

– Я же говорю: может он мёртвых вызывать.

– Мёртвых? – удивился Илья и почувствовал лёгкий холод под кожей.

– Заложных покойников. Они покоя себе не найдут. Умерли до положенного срока. По глупости... Или по дурости... В общем, не пускают их ни туда, ни обратно. И они по его требованию прийти могут. Как думаешь, хорошо это или плохо? Здешний народ дремучий. Они готовы жить, как жили, пока на них небо не свалится. Но вот сколько заложных зараз кол-

дун вызвать сможет? – спросил молодец в красной рубаше и плечами пожал. Потом развернул лошадь и с тоской посмотрел на остающуюся в тени закатного солнца деревню. – Я боюсь, что однажды вернусь сюда с товаром и найду одни пустые избы... И не знаю даже, как убедить местных дуболомов...

– А не надо убеждать, – вмиг решил совершить подвиг Илья. После всех треволнений душа давно просила чего-то великого. И вот оно близко... – Коли подскажешь, как добратся мне до логова колдуна, так не успеет он и одного нечистого позвать – лоб треснет от моего кулака. А не треснет, так у меня в запасе тоже кое-что есть...

Обрадовался молодой купец, с коня соскочил и добежал до того места, откуда Градиборово ещё хорошо видно было.

– Вон, видишь, от избы Маланьиной, высокая сосна растёт?

– Это что за изба такая?

– Крайняя справа. Да вон же: труба торчит криво. Вон и сосна.

– Нашёл сосну.

– Вот от той сосны тропка в лес ведёт. Её чуть видно. Но пока не стемнело, разглядишь. С версту по ней иди и наткнёшься на хату колдуна.

– Ладно. Теперь точно не заблужусь.

– Понимаешь, в деревне же денег не водится, вот люди и боятся, что платить тебе придётся. Но все хотят от колдуна избавиться. А коли деньги нужны, так я по приезде в другой раз тебе, хочешь, треть выручки отдам?

– Как считаешь нужным, так и отблагодаришь, – сухо ответил Илья, кивнул на прощание молодому купцу и по бездорожью через сорняки до пояса отправился к высокой сосне.

Тропки возле сосны не было – видел богатырь лишь местами примятые стебельки да пару вмятин в земле. Идти в эту сторону на свой страх и риск? Лес был вовсе не знакомым, не черниговским. А если подшутил над ним молодой купец? Лицо у него на редкость умное, а по рубаше видно, что не беден. У богачей от скуки так одно на уме – забавы.

Но не любил Илья долгие думы. Всю правду в мудрости народной надо черпать, а не самому копать в грязи. Так что взялся за гуж – не говори, что не дюж...

Версту примерно пройдёт по тропе, осмотрится. Коли и следа хижины не будет, вернётся. Отчего ж назад не вернуться, раз туда прямёхонько шёл?

Привязал коня к плетню и ступил на неведомую дорожку. Шёл, пролезая под поваленными стволами шириною в туловище. Порой приходилось слегка сворачивать, чтобы обойти упавшие ветвистые кроны. Скоро начали грать вороны, им вторили уханьем филины. Вдали громко пели нестройным хором лягушки.

Снова холодком сковало сердце Ильи. Вспомнились и слова про души умерших.

«Да что ж я? Аль не богатырь? Чего мне тут бояться? Птиц ночных? Стариков блаженных?»

Рассекая мечом бурелом, резво зашагал он дальше. Уже скоро должно всё выясниться: живёт тут колдун или шутка это купеческая?

Темно стало так, что Илья на расстоянии вытянутой руки только и мог разглядеть контуры деревьев и кустов. И вдруг – о чудо! – огонёк! Едва различимый, но всё же... Свеча ли теплилась в окне или простая лучина – путник шёл на неё. Скоро перед взором предстала стена: старая полусгнившая кладка, поросшая плющом и мхом. На ощупь вдоль неё дошёл до двери. Странно, что ни одного оконного проёма не встретилось. Откуда ж свет лился наружу? Или он уже был снаружи? Сейчас-то свет пропал...

Зашёл внутрь хижины богатырь. Осмотрелся. Но ничего не увидел. Как будто попал в абсолютную тьму. Как будто ослеп.

– Что ты позабыл здесь, чужак?!

Разнеслось с эхом откуда-то сверху, как раскат грома.

– Покажись, колдун! – приказал хозяину Илья.

– Зачем ты пришёл в мой дом?! – тот же голос продолжал выпытывать, но обладатель его не спешил показываться.

– Выходи, трусливый пёс!

Ответа не было.

Сделал Илья два шага, споткнулся и чуть на полу не растянулся. А из-под ног что-то, шелестя, уползло во мрак.

– Я пришёл по твою душу. Отвечай за грехи! Покажись и бейся со мной! – прокричал куда-то вглубь дома Илья. Тот план, о котором поведал он молодому купцу, провалился. Оставалось надеяться на заветы родительские. Достал богатырь из-за пазухи мешочек с солью, кругом себя посыпал и встал, держа в одной руке меч, а в другой оберег от злых духов.

– Ты этим думал остановить меня? – пророкотал насмешливо голос.

А потом хижина завертелась. Не видел этого Илья, но чувствовал ветер, слышал свист, а голова будто в пляс пошла. На ногах не смог устоять – упал-таки.

Всё смолкло.

Поднялся Илья, вправо и влево руками пытался нащупать стены – не было их.

Пропала хижина.

А потом страшная мысль поразила богатыря – а ведь, значит, пропал и сам он. Теперь – без двери и стен – как понять, с какой стороны сюда добирался?

Глубоко вдохнул, успокоился и сел.

Не стоит унынию поддаваться. Надо поспать и на свежую голову подумать. Глядишь, там и хижина отыщется. А не хижина, так следы на траве или сучья поломанные...

Не зря же в народе говорят: утро вечера мудренее.

Глава 3

Утро, во-первых, было светлее. Во-вторых, ночные страшные звуки сменились пением птиц. Конечно, проще не стало...

Как найти путь обратно, если ни следа, ни тропки, ни намёка не было на то, что здесь вчера ночью стояла хижина колдуна. А может, и сейчас стоит – только или уменьшилась, или в мир Нави перенеслась.

Но солнечные лучи, хоть и завязнувшие в лесной крыше из переплетённых крон, дарили свет надежды приунывшему богатырю. Крики ночных хищников сменил звенящий голос зарянки, заливисто восхваляющий новое утро.

Ещё раз пристально всмотрелся Илья в каждую травинку и веточку – видно было лишь то, что сам и притоптал ночью, пока метался в поисках пропавшей хижины. Где север находится, определил ещё с рассвета, но вот незадача: не помнил, в каком направлении он из Градиборово вчера шёл. Солнце садилось. Вроде бы где-то за левым плечом оно последними лучами с землёй прощалось. Значит, можно теперь попробовать так же его с левой стороны оставить и по лесу идти, пока оно высоко подняться не успело.

Ринулся уже исполнять наспех придуманный замысел, а у самого на душе кошки скребли. Понимал он теперь Артемия. Ух и жутко, должно быть, было мальцу остаться наедине с бескрайним лабиринтом деревьев... Опыта сам Илья мало набрался, но рассказов наслушался и про заблудившихся на всю жизнь, которых лес по одному и тому же кругу водит; и про духов природы: Лешего, русалок, Верлиоку, Ауку; и про без вести пропавших, ни следа после себя не оставивших.

Напугал ещё и колдун неведомыми заклятиями своими. Кто его знает, какую порчу он наслал? И вообще знать бы, в том же лесу всё ещё Илья? Или перенесла его сила нечистая за тридевять земель? А, может, колдун не избушку, а самого Илью в мир Нави отправил?

Что-то с того самого кулачного боя всё пошло наперекосяк. А ведь только начали мечты заветные сбываться о подвигах и службе богатырской... Всё князь-подлец. Он виноват. Ненавидел его с каждым днём всё сильнее Илья. Так ненавидел, что...

Что это за шум?

И не просто шум. Даже ногами ощущал богатырь дрожь земную. Треск сучьев становился громче – лез в чащу не медведь и не лось, а нечто страшнее и куда крупнее. Не иначе – древнее чудище, обитающее в здешних краях.

Богатырь достал меч, в другой руке сжал булаву. Неужели все его беды и неудачи вели к тому, чтобы сегодня встретиться лицом к лицу с величайшим злом?

Победить его или умереть.

Но, сгинув, всё равно победить, утачив за собой в мир духов.

Двигалось чудище откуда-то справа – верхушки высоких сосен шевелились, словно кто-то разрезал лес, точно пирог, невидимым ножом. Встал Илья на пути и приготовился к главной битве.

Сначала огромное острие копья вырвалось из тьмы и воткнулось в сосну, повалив её легче соломинки. Потом взору явилась морда исполинского коня. Такой может запросто человека проглотить! Что ж, попробовать в глотку ему прыгнуть? Язык проколоть, нёбо, потом на морду забраться и в глаза ткнуть?..

Но не один же чудовищный конь прокладывал путь сквозь тесный ему лес и копьё держал. Пока придумывал план Илья, на прогалине показался сам наездник. Охнул богатырь, и булава из левой руки в высокую траву упала, а правая с мечом сама по себе опустилась.

В кольчуге, каких давно не делают, и высоком шлеме, управляя копьём, чтобы не порубить все сосны в округе, огромный витязь явился перед глазами простого богатыря из-под

Мурома. Седые волосы спадали до самых плеч, а тонкая витая борода – до могучей груди. Пришпорил коня витязь, заметив в лесу незнакомца при оружии.

– Кто таков? – пробасил с высоты голос. В сравнении с ним, вчерашнее громовое вещание колдуна казалось теперь детской шалостью. Будто сам бог снизошёл до простого смертного.

– Илья Муромец, богатырь русский, – ответил Илья и руку с мечом приподнял, готовый биться, несмотря на рост противника. А вот булаву даже искать не подумал.

– Богатырь? – переспросил великан, и разнёсся над лесом страшный клопочущий звук – смешным показался ответ. – Как измельчал нынче богатырь!

Второй раз уже Илью укоряют за гордыню. Аука, помнится, тоже важничал, будто сам он пуп земли, а люди так – пепел на ветру. Но исполинский витязь, если и в самом деле был богатырём, наверное, вправе был смеяться – не ровня ему ни один из черниговских дружинников. Может быть, у стольного князя Владимира только и есть витязи, что могли потягаться с великаном в силе.

– На самом деле я крестьянский сын, – склонив голову, признался Илья. – А богатырём хочу стать. Очень хочу.

Медленно опустил копьё исполин, с коня слез, наклонился над Ильёй и стал его, будто муравья какого, рассматривать.

– С этого и нужно было начинать, – одобрительно закончил он, не отводя взгляда от упорных глаз. – Я Святогор-богатырь. И, видно, именно тебя, Илья, крестьянский сын, я давно уже поджидаю...

Сказав это, Святогор ловко подхватил богатыря двумя пальцами за грудки и стал поднимать. Илья сначала вырваться пытался, но всё впустую. Чувствуя себя беспомощным котёнком, которого мальчишка-мучитель схватил за загривок, он покорился Судьбе. Съесть, что ли, его собралось это чудище в человеческом облике?

Но не увидел перед собою крупных очертаний лица Святогора – вдруг разжались пальцы и полетел богатырь в просторный карман размерами с дровяной сарай. Упал мягко, а вот поднялся кое-как: ноги не могли прочной опоры найти. За оборку кармана схватился, подтянулся и наружу выглянул, словно дед, который через забор за соседями подглядывает.

Вдруг резкий порыв ветра сверху молотом ударил по голове и плечам, и начались частые шлепки кармана о кольчужные диски – это Святогор на коня забрался. Весь побитый и оглушённый, Илья снова на дно свалился. Не скоро у него силы появились встать и обратно вскарабкаться. Но заставил себя богатырь – очень уж неведомое томило душу.

– Святогор! – прокричал Илья. – Куда ты меня везёшь?

– Домой, – ответил богатырь.

– К тебе?

– И ко мне, и к тебе. Мы оба едем домой.

Ничего не понял Илья. Наверное, старик совсем из ума выжил. Сколько, интересно, ему уже?

Отец как-то рассказывал одну историю про Святогора-богатыря. Но тот жил чуть ли не двести, а то и все триста лет назад, оберегал лесные народы от бедствий и врагов. Не может ведь он тем самым древним витязем быть! Не живут столько даже богатыри. В родном Карачарове деду Ефиму было почти девяносто, так тот скрюченный весь ходил, ногами шаркал и не узнавал никого на селе. Святогор же выглядел примерно на шестьдесят. Как и отец Ильи. Просто до сих пор силы его не оставили. А вот батя, конечно, уже не тот: не только волосом бел, но и высох, сморщился будто-то.

– У нас, богатырей, один дом...

Да уж... Из ума он точно выжил. Хуже деда Ефима. У каких это богатырей дом один? Каждый своему князю служит. Или призыванию, как вот Илья для себя недавно решил.

И получается, все они в разных городах и вотчинах.

Больше вопросов не стоит задавать. Лучше подождать и воочию узреть, где путь закончится. Одно радовало Илью: хоть такая теперь компания есть. Всё лучше, чем одному в глухом лесу блуждать. Может, дома у Святогора и кашу варят в котле размером с избу. Наестся можно будет до отвала, а там как-нибудь и дорогу в знакомые края выспросить.

Привал сделали у лесного водопада. Конь почему-то даже носа не поворотил, чтобы испить из речки. Илья лишь диву дался такому послушному животному: без приказа хозяина с места не сдвинется. Сам Муромец тут же утолил жажду, а после окунулся и постоял под мощным потоком, вбирая телом силу водной стихии. Святогор присел, опершись спиной о крутой обрыв холма.

– В округе кабаны водятся. Можешь поохотиться, – предложил он Илье.

– Наслышан уже, – подтвердил Муромец, которому не понравилось это «можешь» и своё положение карманного питомца. Теперь ещё и пропитании своём надо позаботиться. Видимо, об огромном котле с кашей стоит позабыть. – С мечом за ними гоняться не совсем сподручно.

– Есть у меня в седле сумка – там разное оружие свалено: и луки с колчанами стрел, и копыя.

Снова подивился Илья чуду, из речки вышел и взял, где сказано, себе по нраву разного добра.

Можно теперь убежать от похитителя и жить дарами леса.

Можно?

Долго думал об этом богатырь, пока блуждал по незнакомым тропкам в поисках звериных следов. Много их было. Значит, с оружием выжить здесь большие шансы.

Но тайна Святогора и нечто общее, связующее их, вдруг стало важнее свободы. Тем более никто за пределами леса не ждал Илью: от колдуна не избавил Градиборово, со службы княжеской ушёл.

Значит, нельзя убегать.

Подстерёг Илья зазевавшегося кабана и калёной стрелой насквозь на бегу проткнул. Не раздумывая больше, вернулся к стоянке у водопада, освежевал тушу и стал над костром готовить.

– Расскажи побольше о себе. Что привело тебя в здешние края? – спросил Святогор, всё ещё сидя в той же позе, в какой оставил его младший богатырь, уходя на охоту.

Не нашёл Муромец причин скрывать что-то от старого сотоварища. Рассказал всё, как было, начиная с того самого злосчастного кулачного боя и до проделок колдуна. Слушал Святогор с каменным лицом: ни единым мускулом не двинул.

– Вот, значит, как... – протянул он, когда смолкли звуки голоса Ильи. – Тогда придётся нам на пути домой сделать три остановки.

И снова не переспрашивал младший богатырь. Наверняка Святогор уже и позабыл, о чём ему только что рассказывали – помнил лишь заветную дорогу до своего дома.

– Первая возле Чернигова будет, – однако вполне осознанно сообщил Святогор. – Придётся тебе вернуться и поговорить с князем про нечестные бои.

– Зачем это? – Тут же оторвался от томящегося над углями кабана исполненный негодования Илья. – Не о чем мне с подлецом разговаривать!

– Но обида же именно твоё сердце гложет. Накажи князя или прости. Здесь два выхода.

– Как я его накажу? Или ты поможешь?

– Нет, – прямо ответил Святогор. – Ты сам всё сделаешь, как надо. Пора тебе, Илья, жить начинать. Мудрость твоя – она стариковская. Растили тебя отец с матушкой, люди пожилые. И вырос ты волком-одиночкой. Тебя обидают – сразу в лес бежишь.

– Каким вырос, того не исправить, – насутился Илья, жалея, что не поддался первому желанию, когда только получил лук и копьё.

– Коли не исправить, почему же ты сказал, что богатырём хочешь стать?

И правда, говорил это Илья – нельзя отрицать. Что ж, видимо, не понимает просто Святогор глупость всей ситуации с кулачным боем. Упустил что-то сам в пересказе, значит.

– А как я бы вот смог наказать князя? Драться со всей его дружиной, чтобы сгнуть потом в погреб? Я ж не как ты с десять сажен ростом, чтобы...

– Почему же сразу драться? – удивился Святогор, не дослушав сравнения. – Можно и с обидчиком общий язык найти. Возможно, он на тебя зуб и не точил... Или князь черниговский именно тебя ненавидит?

– Нет, – поразмыслив, отвечал Илья. – Служил я ему верой и правдой. Но слышал от верного свидетеля, что за соболями шкуры заранее была куплена победа Карапузова...

– От самого князя слышал?

– Нет.

– Вот ты про обиду свою ему прямо в лицо скажи, а потом насчёт шкур и спроси. Богатырское дело не только палицей на поле брани махать...

Неуютно стало Илье – так захотелось забраться в глушь, чтобы потеряться навсегда в лесу и не видеть больше людей.

Не молодой он, чтобы вот так день за днём его отчитывали.

Тяжело слушать, а понимать, что ошибался, – ещё тяжелее.

– Видишь, Илья, ты мне вроде как друг, но я не боюсь тебе свою правду говорить. Можешь с ней не соглашаться. Но, по мне, настоящий богатырь он таким и должен быть. Поверь, я по таким правилам долгую жизнь прожил.

Проткнул ножом мясо Ильи, чтобы сок наружу вытек, проткнул в другом месте, перевернул...

– А чего бы тебе, Святогору, меня бояться? – в сердцах выпалил он.

– Вот этого вот, – размеренно отвечал богатырь. – Никому не нравится, когда им в лицо неудобные истины говорят. Один к приятелям побежит за опровержением и лаской, а другой из друга врага сделает, убить задумает, будто так правду уничтожит.

– Не враг ты мне. И правда твоя одна. Нелегко её принять...

– Уже одно хорошо, что умом ты понял это. Сердце осталось.

– Что же мне теперь с повинной головой на службу в Чернигов вернуться? Как иначе я с князем переделаюсь?

– Ну это уж ты мне предоставь. Коли врагом не считаешь, могу и пользу принести. Как доешь кабана, полезай...

– Как понимать: доешь кабана?! – всполошился Илья, вернувшись к будничным делам. – А ты?

– А меня земля родная подпитывает. Нам с конём еда ни к чему. Мы существа неприхотливые.

– И снова чудеса. За эти два дня столько всего дивного приключилось – больше, чем за всю жизнь. Куда ж мне целого кабана умять зараз? Я-то на двоих рассчитывал. Ты вон какой большой – ничего не стоит целую тушу в рот затолкать.

– Ни к чему мне это, говорю же. Ты ешь-ешь. Сколько не съешь, сейчас ямку выкопаю – туда спрячешь. Вернёмся, достанем и...

– Вернёмся?

– Конечно, вернёмся.

– То есть мне на службу княжескую на день только?

– Может, и на день. Ты плохо слушал. Чернигов только первая наша остановка на пути к дому.

Долго смотрел в глаза Святогору Илья, проверяя, не шутит ли тот. Но ни тени насмешки не промелькнуло в спокойном взгляде. Значит, всё-таки с ума сошёл витязь.

И, может, не от старости, а с голодухи.

Земля его питает. Ну не растение же он!

– Ты давай скорее с трапезой заканчивай, – так и не сменив позу, поторапливал Святогор. Как у него только мышцы не свело? – Потом в карман полезай – и в путь отправимся. Мы тебя мигом домчим до Чернигова. Уснуть не успеешь.

Точно не в себе дед Святогор: думает, что в его кармане можно уснуть!

Выжить бы...

Глава 4

– Всё. Высаживайся. Дальше мне нельзя, – почти с нежностью достал Святогор Илью и на землю поставил. Стояли они у края леса – дальше начинался просторный, заросший травой перелог. – Чернигов вон в той стороне.

– А ты? – поразился богатырь тому, что бросает его старший товарищ в трудный момент, ещё и такой непривычный для него самого. Князю дознание делать не всякому воину в жизни довелось...

– Говорю же: нельзя дальше. Здешняя земля меня питает. Да вот только этой границей она и заканчивается – за нею я ослабну, – угрюмо признался Святогор, потупив голову, так что седые волосы скрыли лицо.

«На кой же тогда силища могучая, ежели ты дальше леса выйти не можешь?» – подумал Илья, но сказать вслух не решился.

– Я тебе позже расскажу, – добавил Святогор, будто почувствовав недобрые мысли собеседника. – Договор есть один нехороший... Но сейчас не время про него говорить.

«Да всё и так понятно: ты силу, чай, получил в обмен на это. Кому только в дремучем лесу нужен огромный богатырь? Птенцов выпавших в гнёзда возвращать?» – с каждым вдохом больше злился Илья на исполина. Как говорится, умный на словах... Поучать мастер.

Плюнул богатырь себе под ноги и, не оборачиваясь, пошёл по широкой тропе через перелог. Горел затылок от гневного взора Святогора, но ни слова укора не сказал тот вслед.

«А ну не переборщил ли сейчас? – задумался по дороге Илья, так как неприятный холодок стал понемногу пробираться под кольчугу. – Если земля его питает, то я, получается оскорбил святыню... Нет. Глупости... Сумасшедший старик он да и только. И возвращаться в лес не стану. Смысл какой, если в Чернигове устроюсь? Да я вообще могу и мимо Чернигова пройти – зачем мне наказы деда блаженного исполнять? Не обязан я. Он сам всё придумал. Чтобы простой дружинник и разъяснений каких-то у князя требовал! Да меня там засмеют – и всё!»

Громкий свист с одинокого клёна пробудил Илью – не заметил он, как прошёл половину поля и вышел к знакомым местам. Однако выглядели они совершенно по-новому: несметное войско, как пчёлы тарелку с мёдом, облепило город. Издалека виднелись сотни шатров, костров, лошадей. Но главное – тьму чужих людей, суетливо снующих по всему широкому пространству.

На свист сбежались другие часовые. Они даже спрашивать не стали, кто идёт и зачем. Натянули тугие луки, и в Илью полетел визжащий рой. Оцепенение мигом сошло – отпрыгнул богатырь в куст ежевичный. Покусало колючее растение, зато стрелы вражеские не тронули. Одна только задела предплечье, но отскочила от кольчужного рукава.

Долго в кустах не засидишься – сейчас изрешетят так, что и броня не спасёт. Внутренним взором представлял, как новые стрелы прикладывались к тетиве и направляли враги луки прямо в заросли.

Пришло время действовать! Позади кустов на расстоянии прыжка виднелись лошадиные ноги. У Илья и времени как раз осталось на один прыжок. Ринулся туда с мечом в одной руке и с булавой в другой. Метнул её в голову всадника – метко попал, сшиб врага с седла. Сам взлетел на коня, развернулся кое-как – конь фыркал и сопротивлялся. На двоих пеших часовых наехал, затоптав. Второго конного на ходу мечом по груди ударил – если не ранил, то наземь повалил.

Остался последний наездник. Тот держал Илью на прицеле длинного лука, пока богатырь на чужой лошади разгон набирал, чтобы добраться до врага. Сейчас всё и решится. Меч наготове. Если промахнётся воин, останется без головы тело и без всадника конь.

Ещё три прыжка.

Почему он не стреляет?

Два прыжка.

Всадник опустил лук, развернулся и помчал во всю прыть к осаждённому городу.

Илья погнался следом.

Вот сегодня точно везёт! Не то что в последние дни.

Не успеет часовой предупредить своих – голова его покатилась по полю, а тело дальше отправилось, но тоже назад опрокинулось. Конь встал на дыбы и скинул останки наездника, а сам стал кружить рядом.

Разгорячённый жаром битвы Илья утирал рукавом пот с лица. Вернуться надо за булавой, а там и к Чернигову дальше двигаться. Нелёгкой будет дорога...

Печенеги – кто же ещё – решили, значит, город взять облежанием: вон их шатрам конца края нет. Со здешними дозорными-то Илья разобрался, но если ближе к лагерю поедет, то на перелог его и с других концов заметят.

Снял шапку печенежскую с павшего воина, у второго забрал лук, через плечо повесил – всё издали больше на своего похож. А вот в самом лагере как себя вести, чтобы в город перебраться, – над этим серьёзно по пути подумать стоит. Вблизи даже шапка не спасёт.

Ехал медленно, чтобы подозрений не вызвать. Шатры приближались, стали слышны голоса, стук металла, лай собак и конское ржание. Придумать пока ничего не выходило. Может, остановиться? Соскочил Илья с лошади, присел под кустами лещины и стал решать сложную задачу. Интересно, знал ли Святогор, что происходит в Чернигове, когда отправлял его сюда?..

Впрочем, сейчас не о том надо думать!

Как же сквозь лагерь проехать? Лицо бы прикрыть, да так, чтобы не сильно выделяться.

А чем тут прикроешь? Не щитом же и не седлом...

Осмотрелся Илья – в поле пусто: высокая трава разрослась на перелог, волю на весь год почуяла. Вот и кусты тоже местами выглядывают. Густая листва, кстати, у лещины – в ней и скрыться можно...

Пообрубал богатырь тонкие зелёные веточки, на правое плечо положил – так и сел на коня, будто вёз себе их в шатёр, чтобы веников наделать. Пышные кроны до самой шапки прикрывали лицо. Голову слегка склонил, на дорогу временами поглядывал и дальше ехал, всё ближе к лагерю печенегов.

Вот мимо прошли первые вражеские воины. Ничего не сказали. Смотрели, конечно, с подозрением. Наверное, из-за того, что ехал он с поля с кучей веток непонятно зачем.

Дальше лучше стало: клубы дыма от походных костров расстилались по лагерю; сотни людей, будто в муравейнике, не замечали постороннего; споры и ругань, стук топора по колодам и лязг металла, хохот и свист – всё отвлекало внимание печенегов.

Илья медленно ехал дальше.

Самое страшное ждало впереди. Возле заставы нужно держаться до последнего, чтобы потом выбросить ветви и к своим на полном ходу скакать. Тут снова на удачу придётся положиться, чтобы шальная стрела не задела.

Нехороший гвалт позади заставил Илью обернуться. Воин на коне, запыхавшийся и разгневанный, что-то рассказывал своим старейшинам. Те тут же строго, в приказном тоне прокричали команды подчинённым. Печенеги всполошились, стали озираться по сторонам в поисках предателя. Один из воинов обратился к Илье – тот, конечно, не понял и спокойно ехал дальше со своими пышными веточками.

А ведь почти добрался до границы лагеря – вон уже последние шатры. За ними линия обороны Чернигова. Со стен могут помочь. А могут и за печенега принять!

Повторно окрикнули Илью. Громче и требовательнее, хотя слова были те же.

Крепко держал охапки лещины богатырь и твёрдой рукой вёл коня к границе.

Голос, звавший его, стал быстро тараторить что-то, а потом уже за спиной услышал Илья с десятков других более грубых окриков.

Значит, пришло время.

Бросил ветки в стороны, коня прищипорил и поскакал сначала в полный рост, а потом пригнулся на всякий случай. И правильно сделал, потому что просвистели над головой пущенные ему вслед печенежские стрелы.

Всё!

Лагерь за спиной.

Скинул с себя шапку, лук с колчаном и помчал во всю прыть к городским стенам. С великой радостью увидел Илья, что ему навстречу едут дружинники черниговские. Видимо, отправились на переговоры с врагами.

Сейчас доскачет до них... Осталось лишь на удачу положиться. Или Богу помолиться – что-то с удачей не всё ладно выходило в последние деньки. Впрочем, можно и пригнуться ещё раз напоследок.

Прижался Илья к лошадиной шее, услышал до жути знакомый свист.

И вдруг покатился мир кувырком: коварные враги выстрелили в коня! Богатырь полетел кубарем с падающего скакуна.

Шлем ударился о землю и слетел с головы. Тело протаранило поле, оставив глубокую борозду.

Илья ещё дышал. Он чувствовал и руки, и ноги. Возблагодарил Бога шёпотом и попробовал пошевелиться.

– А кто это такой у нас тут? Никак тот самый воин, кто... Нет-нет, он не кто, а что... Тот воин, что привык валяться в грязи! – раздался над гудящей от боли головой противный голос Карапуза.

«Тебя только тут не хватало!» – успел подумать богатырь перед тем, как тьма заволокла разум.

Глава 5

- Мне кажется это лучшим исходом, если, конечно, печенег не обманут.
- Насчёт чести у них свои законы, княже.
- Но мы сильно рискуем.
- Да. Если наш боец проиграет, придётся щедро откупаться.
- Значит, надо найти того, кто победит.
- Так Карапуза давайте выставим. Он всех в кулачном бою недавно побил.
- Но...

На вечность, казалось, растянулось это «Но», пока не приподнялся с лежака Илья:

– Не победить Карапузу в честном бою, – проговорил он, чувствуя страшную ломоту в спине и боках.

Все важные люди, дружинники черниговские и сам князь, разом повернулись к ожившему воину, о котором они давно позабыли.

– А почему же бой с печенегом обязательно должен быть честным, Илья? – нимало не смутившись, спросил князь. Он-то бывшего дружинника хорошо помнил.

– Как я понял по разговорам, вы договорились с врагами вместо долгой войны решить дело поединком, – преодолевая острую боль ещё и в голове, Илья цеплялся за жизнь и своё дело богатырское. Быстро осмотревшись, понял, что сидят они в палатах княжеских, где обычно и решают важные дела. Значит, состоялись переговоры, вернулись послы и его с собой привезли для допроса. Но князь, видимо, из-за былой честной службы дружинника в погреб не бросил. Пока...

– Правильно ты всё понял, – кивнул князь.

– Враги пришли разорить город. Поединок им выгоден. Если их боец победит, они заберут выкуп и уйдут. Не потеряют ни людей, ни время.

– Ты сейчас наше время тратишь, – устало потирал переносицу князь, так как Илья прописные истины вещал как великое открытие.

– Я к тому веду, что их бойцу нельзя проигрывать. Если будет бой нечестным, печенег ни за что не отступят.

Нехотя князь кивнул. Согласился с Ильёй. Дружинники тоже поочерёдно закивали.

– А кого ж тогда, если не Карапуза, на бой отправлять?

И вдруг всё понял Илья: внутри словно бутон подснежника распустился после долгой зимы – так приятно и легко стало на душе. Святогор просчитал каждый шаг. Илья был нужен Чернигову не в потешном бою – он победит настоящего врага и спасёт город.

– Я буду биться, – уверенно заявил он.

Слова Ильи встретили перешёптыванием. Князь с сомнением рассматривал витязя. Был Илья уже далеко не молод, а ни славы, ни богатства себе не нажил. Конечно, поединок с Карапузом он, слов нет, выиграл, но потом опрометчиво поступил, бросив службу. Слишком вспылыв для старого воина. Можно ли такому доверить важный бой?

– Есть в дружине много славных воинов, – выразил общее недоверие старый боярин.

– Может, устроить ещё кулачные бои, только честные? – заговорил другой.

Князь состроил презрительную гримасу, но смолчал.

– Времени нет. Поединок на рассвете, – ответил за него первый.

– Я буду биться, – повторил Илья. – Мне было видение: Бог приказал вернуться в Чернигов. Теперь-то я понял для чего...

Слукавил он, выдав Святогора за образ Божий. Но с недавних пор крепко поверил он в силу древнего богатыря, что и не подумал даже, сколь кошунственными являлись его слова.

– Даже так... – уважительно проговорил князь, обдумывая услышанное. Всеми здесь услышанное. Ведь если победит русский богатырь, слава о пророчестве облетит всю русскую землю. – Тогда мы, безусловно, доверим тебе защиту города, Илья Муромец.

Всё наконец правильно пошло.

И никогда Илья так не был уверен в победе, как сейчас.

– Надо бы послать за помощью к Владимиру, – шепнул прямо в ухо князю старый боярин, но так громко, что услышали это все в палатах. – Вдруг обманут печенег. Или богатырь наш маху даст...

– Давно уже послали, глухой дурень, – отмахнулся князь. – Как только печенег на границе появились, я гонца в Киев отправил.

Значит, всё предусмотрел князь. Умный и расчётливый – не замечал этого Илья, пока в обиде за нечестное судейство проклинал его. А ещё за продажность проклинал: соболиные шкуры князю были дороже законов.

Сказать бы это ему сейчас в лицо, да время не то – ещё передумает о своём решении.

– Битва на рассвете, – теперь уже к Илье обращался князь. – Отлежись сегодня здесь, отдохни. Тебя накормят, напоят. А завтра покажешь себя. Не подведи. Я в долгу не останусь.

“Шкуры соболиные мне отдашь, что ли?” – хитро щуря правый глаз, смотрел Илья на князя, не переставая относиться к нему с пониманием, как и учил Святогор. Вроде бы камень сдвинулся с мёртвой точки, но ещё не покатился с горы.

Ночью плохо спалось.

Бился и не раз с врагами чужеземными Илья, пока служил Чернигову. Однажды на разбойничье логово напали вместе с дружиной – не все в живых остались.

Побьют – не страшно. Умереть... Страшно, конечно.

Однако такой ответственности ещё не брал на себя Илья, чтобы исход поединка решал судьбу города. Наделили калики перехожие силой больного крестьянского сына. Но достаточно ли её, чтобы побить лучшего воина печенежского? А вдруг он размерами со Святогора?

До встречи с ним и не поверил бы Илья, что существуют на свете такие великаны. Наверняка и у печенегов свои огромные витязи есть.

Всю надежду пришлось возложить на судьбу. Всё же неспроста. Он здесь именно в тот момент, когда нужен. Значит, Святогор специально его сюда отправил показать князю черниговскому, чего стоит Илья. Чтобы потом состоялся тот самый разговор. И выскажет богатырь обиду свою...

Только это и утешало. А вот всё остальное ужасно пугало.

Ещё и слова те громкие о видении во сне... Зачем он их сказал? Сбудутся – станут его чуть ли не святым почитать. А нет, так все сочтут Илью за лжеца.

Мёртвого лжеца.

Солнце только-только развеяло сумрак, а Илья до сих пор не мог уснуть.

Новая забота – не отдохнул ночью. Поединок на рассвете – так обычно говорят про время, когда торговцы свои лавки открывают и жизнь в городе начинается. А настоящий рассвет летом – вот он, сейчас. И между двумя рассветами промежуток хороший. Значит, поспать ещё можно...

Зевнул Илья, на другой бок повернулся, а мысли не отпускали.

Видимо, не уснуть уже... Встал богатырь, во двор вышел. Там уже чистили конюшни, готовили лошадей для него и всего посольства. Кланялись люди в пояс, завидев богатыря – все знали, что едет он биться за их город, чтобы не было войны.

“Святогор всё знает. И прошлое, и будущее. Он отправил меня побеждать”, – твердил себе Илья, потому что страх сковывал конечности, будто погружался витязь в ледяную воду в стальных доспехах.

Солнышко поднималось всё выше, проливало свет на улочки черниговские, терявшиеся среди множества белокаменных храмов и колоколен. Лучами с возвышения расходились плотно жавшиеся друг к другу дворы. По этим улицам бродил он после службы, полный таинственных дум о своём предназначении. Теперь пришёл черёд показать себя.

– Вижу, ты отдохнул, – голос князя с крыльца заставил Илью вернуться обратно в мир земной. Сколько же времени прошло? Неужели пора?

– Волнуюсь, княже, – честно ответил богатырь.

– Чего ж тебе волноваться, коли за тебя уже на небесах всё решили? – подозрительно отнёсся к тревогам Ильи правитель. Только сейчас, ранним утром, увидел богатырь, сколько глубоких морщин привычным узором испещрили вроде бы ещё не старое лицо.

Не было ответа у Ильи. Лишь молчал и плечами пожимал. На помощь в неловком положении внезапно пришли, с шумом вывалившись на крыльцо, дружинники княжеские и бояре. И Карапуз.

– Кто рано встаёт, тому Бог подаёт, – залихватски объявил он свой выход всей собравшейся публике.

Князь одобрительно пробубнил приветственную фразу, его люди поклонились.

– Поехали побеждать!

Посольство черниговское оседлало коней и отправилось в чистое поле.

Снова что-то тревожное закралось в душу богатыря, когда посчитал он число ехавших впереди всадников: князь, десять человек дружины и Карапуз.

Илья замыкал процессию.

Тринадцатым по счёту...

Глава 6

Печенеги выбрали ровный участок поля, огородили квадрат в три косых сажени верёвкой на вбитых в землю колышках. По правую сторону арены расположилось почти всё их воинство, загораживая возведённые шатры. По левую не было никого. Здесь и спешилось посольство черниговское. Князь устроился на золотистом шерстяном ковре, расстеленном по отлогому холму, в отдалении от площадки. Дружинники встали в ровный строй, готовясь защищать своего господина на случай вероломства.

Илья вышел вперёд и перешагнул через верёвку.

Он ждал соперника.

Под громкое улюлюканье и звон мечей о щиты сквозь толпу печенегов шёл вражеский воин.

Илья разминал мышцы: крутил шеей, сводил руки вперёд и за спину.

Вот расступились передние ряды, открыв взорам противника: почти на локоть был он выше Ильи и на столько же шире. Голова его, итак огромная, казалась вдвое больше из-за косматой львиной гривы иссиня-чёрных волос. В руке он держал кубок. Или череп...

– Белгородку взял. Сам. Один. И пью за твоё здоровье из победной чаши, – по-русски выговорил враг, делая большой глоток. По гладко выбритому подбородку потекло густое красное вино. – Когда буду Киев брать, буду пить из твоей пустой головы.

Хоть и плохо говорил огромный воин, но смысл сказанного дошёл до Ильи. Независимо от воли, затряслось тело, перестало подчиняться разуму.

И вдруг, словно почувствовав слабость врага, отбросил пустой кубок и молниеносно напал печенег во всю ширь – метил Илье промеж глаз, чтобы одним ударом закончить бой. Стоял богатырь, словно очарованный, как усыплённая дудочкой змея. Но в миг резкого замаха огромной ручищи прозвучали слова откуда-то изнутри колоколом в голове:

“Очнись!”

Голос Святогора – не иначе.

“Падай!”

Послушался – опрокинулся на спину. Перекатился, встал и отмочалил левый бок противника, так что тот повалился в колючую траву, оцарапав жёсткими стеблями правую щеку.

Стал ждать Илья – лежачих не бьют.

Печенеги позади него громко ругались, причём больше русские бранные слова выкрикивали.

Враг поднялся. Удар Ильи больше удивил, чем ослабил. Чёрные злые глаза сверлили богатыря, а пальцы подманивали ближе подойти.

“Штыком, а потом в подбородок”.

Ринулся Илья выполнять указания: разогнался по арене, саданул прямым ударом посередине груди противника, сделал полный поворот и снизу успел в лицо кулаком садануть, когда скрутило врага от резкой боли.

Снова упал печенег.

И теперь уже не спешил вставать.

Отошёл от него Илья и стал ждать под громкую брань с правой стороны арены.

Поднялся огромный печенег, кровь капала с разбитого носа. По правилам, надо бы заканчивать бой. Но никаких знаков не подавали вожди – неужели ждут смертельного исхода?

Раз печенег хвалился черепом врага, побеждённого им под Белгородкой, – видно, так и есть. Посмотрел на своих: Карапуз потирал обгоревшую под палящим солнцем шею; дружинники недвижимо стояли грозной линией; по каменному выражению лица князя можно было

прочитать приговор. Конечно, тот знал, что бой насмерть. Это ж не простая кулачная потеха во дворе.

Враг надвигался медленно, готовясь к обороне от любого удара.

“Жди”.

Значит, нужно понять, чего хочет разозлённый боец. На быстрый выпад, как в самом начале, сил вряд ли хватит. Наверное, попробует задавить своей мощью.

“Жди”, – снова раздался ставший привычным голос в голове. Интересно, надолго Святогор там поселился? На всю жизнь?

Они сошлись. Глаза разъярённого печенег в свете полудня казались красными. Ветер развевал его пышную гриву спутанных сальных волос. Ничего страшнее Илья не встречал в жизни. Даже Святогор-великан не так испугал, когда выехал на огромном коне тогда в лесу.

– Умри! – закричал печенег и стал молотить Илью боковыми ударами, целясь то в бок, то в голову. Еле успевал отбиваться богатырь, а голос молчал.

“Где же Святогор? Долго так не продержаться...”

Скоро устанут предплечья – предательски прогнётся одно из них и позволит кулакувалде пробраться к желанной цели.

Чтобы самому атаковать – и думать нечего.

Но неужто печенег долго так сможет без передышки? Как водяная мельница при бурном потоке сыпал он удар за ударом.

Чувствовал Илья, что руки превращаются в какие-то банные вехотки. Вот-вот и всё – порвутся размокшие от жара и воды пучки лыка.

“А чего я жду? Команды от Святогора, чтобы победить и прославиться? Но разве это он мне обещал? Разве не сам я про видение во сне придумал?”

Конечно, Святогор уже помог Илье дважды. Но целей его не постичь...

Может, сейчас должно проиграть?

Или самому найти способ побить врага? Святогор только помог преодолеть первый страх? А дальше...

В самом деле, сколько можно терпеть?

Зачем ему голос в голове, если сама голова думать способна?

Следующий удар Илья не стал отбивать. Выждал нужное время, присел, повернулся впол-оборота и, выпрямляясь, ухватил запястье печенег правой рукой, дёрнул со всей силы, а левой саданул по шее.

Повалился враг на заросшее одуванчиками поле, но вывернулся из хватки богатырской, перевернулся, попробовал встать...

Удар прямой рукой по лбу застал его врасплох.

Со стоном пал печенег, затылком стукнувшись об острый камень. Кровью оросило белые пушистые головки, мелькавшие в траве.

После затихшего с приходом смерти стопа зловещая тишина разлилась в воздухе. Не для того чтобы уйти ни с чем, прибыли сюда орды печенегов. Поединок был честным – вождям не придаться. Но отступить из-за такой мелочи никто не хотел.

Старейшины собрались в тесный кружок и горячо спорили. Тяжело дышавший Илья подошёл к своим, где его тут же обнял князь, распинаясь в похвалах. Дружинники оставались на страже, не двигаясь. Они предчувствовали беду.

– Не спешат тело с поля забирать. Плохая примета. Значит, мёртвое тело, – подбадривал шутками Карапуз, но никто даже не улыбнулся.

– Отступаем! – резко скомандовал один из дружинников, заметив что-то вдали. – Все на коней!

Обернулся Илья и увидел, что среди старейшин шла заваруха, в конце которой один из спорящих схватился за шею, другой – за живот. Оба через мгновение осели, потом упали и задёргались, хватаясь ногтями за сорняки.

Несоhlasные.

Люди чести.

Это и понятно: их всегда меньше, чем подлецов.

Оставшиеся вожди стали громко кричать, и весь лагерь всполошился.

– Прирежем их!

– Не будет мира!

– Там, за стенами, трусы и слабаки!

– Долой разговоры – убьём послов!

– Их вождь тут – покончим с ним!

Печенеги перешли черту закона войны.

Но дружина уже мчала во весь дух к Чернигову.

Кони печенегов, более сильные и выносливые, быстро сокращали расстояние.

Прикрывавших тылы разгневанные печенеги изрешетили стрелами. Самые быстрые трое воинов для верности рубанули их саблями и, не сбивая темпа, полетели дальше.

Путь им преградила восьмёрка оставленных умирать, защищая князя. Разрезанной цепью встали они, держа копыта наготове, чтобы задержать несметные орды как можно дольше.

Князь же нёсся во всю прыть на лучшем коне к стенам Чернигова.

Печенеги прошли сквозь заслон почти без остановки: стрелы, резкие взмахи сабель – и кони русских витязей фыркают и стучат копытами без всадников.

– Задержите их! – то ли приказывал, то ли просил князь, уезжая подальше от последних оставшихся в живых, но не числившихся в дружине воинов. – Вы же лучшие бойцы!

Как бы ни старался Илья, в одиночку никак не смог бы он сдержать несметную орду. Уже обступали обоих воинов плотным кольцом, а первые наездники незаметно оказались перед княжеским скакуном.

– Не стоит их убивать. Продадим. Воеводу городу продадим, а этих в рабство продадим, – проговорил один из вождей, пока лошадь княжеская пыталась найти выход из замкнутого круга.

Коня у Ильи ранили стрелой в бедро. Встал на дыбы скакун, сбросив Муромца.

Почувствовал холодную сталь возле шеи богатырь, когда попытался подняться и биться с врагами. Так и остался сидеть на коленях с вложенным в ножны мечом.

– Пощадите!.. – сам спрыгнув с лошади, взывал Карапуз. Крик тут же заглох, потому что левая нога застряла в стремях и незадачливый кулачный боец упал в траву. Никогда его шутки не вызывали столь сильную волну искреннего смеха, как потешное падение. Карапуз приподнял голову и отплёвывался забившими рот стебельками, стоя на четвереньках. – Пощадите! Я воин. Я могу сражаться. Я буду биться за вас.

– Он будет биться за нас! Да кто ты такой? – спросил смуглый вождь со шрамом, пересекавшим пол-лица от правого глаза до левой щеки. Ехидная улыбка делала гримасу устрашающей: будто бы огромным ртом насмеялся он над просящим.

– Я не из Чернигова. Я тоже здесь чужой. Мой народ живёт далеко на востоке. Но я отличный воин, – поднимаясь с колен, убеждал победителей Карапуз.

– Отличный воин? – снова переспросил вождь. – Тогда убей того, кто побил Кегена.

Вождь указал на Илью.

Карапуз повернулся на знак, увидел соперника и быстро кивнул. Как будто бы радость промелькнула в трусливых глазах.

– Если убьёшь, примем тебя в войско.

Карапуз снова кивнул и сделал рывок в сторону Ильи. Оба были без оружия и щита. Княжеский шут длинными тонкими пальцами с острыми ногтями вцепился в шею поставленного на колени воина и сдавил её.

В тот же миг Илья почувствовал, что печенег убрали сабли.

Он свободен на время.

И Карапуз в его распоряжении.

Одним рывком оторвал он когтистые пальцы от шеи, схватив запястья противника. Развёл руки Карапуза в стороны и ударил лбом в переносицу. Глаза соперника поплыли, как у захмелевшего на пиру боярина, а нос сплющился, из обеих ноздрей ручьями полилась кровь.

Встал Илья, снова руки Карапузовы сомкнул, на себя потянул, так что повалился враг на землю. Но и этого было мало: дальше потянул его за руки, кружась и поднимая тело противника выше и выше. Визжал Карапуз, как свинья на забое, и был этот крик дивной музыкой для ушей Ильи.

Пушай изрешетят его сейчас печенег или в рабство продадут, но...

Но не стоит оно того.

Жалкий трус и подлец – не ради его убийства исцелили Илью калики перехожие.

Отпустил раскрутившегося Карапуза богатырь, и полетел тот вдаль, в станы печенежские. Охнул где-то там, сбив с ног и смяв полдюжину воинов, – значит, жив остался бедолага. Урок ему знатный.

– Хорош боец, – похвалил вождь со шрамом. – Давай тогда ты к нам служить.

– Я этому князю служил, – небрежно махнул рукой Илья в сторону пленника. – Но ему скоморохи дороже, чем честные воины. Теперь никому не служу.

– Так вот и давай к нам, – настаивал вождь, снова жутко ухмыляясь. – Если по доброй воле пойдёшь, станешь...

– Не пойду по доброй воле, – упрямо отчеканил Илья, орлиным взором одаривая вождя. – Плох ли, хорош ли князь, а народ свой я не предаю.

Достал богатырь из ножен меч. Будет биться до последнего вздоха.

Первыми, конечно, полетели стрелы печенежские. Но вдруг показались они Илье такими медлительными, как ползущие по песку улитки. Каждую успел он сбить на лету, а потом пошёл крушить лучников. И дошёл до них так быстро, будто бы на коне скакал: ни одна стрела, ни одна сабля не успела за ним.

Покончил со всадниками неведомо как: и росту хватило, чтобы достать до незащищённой шеи, и силы были, чтобы головы рубить легко, будто пушистые одуванчики.

Дальше князя надо спасать – пошёл Илья сквозь строй печенегов, топча их на ходу. Разлетались в стороны враги, кричали от боли, придавленные его жёсткими лаптями. Сам не понимал богатырь, что творится. Неведомой дотоле силою бил он супостатов.

Опустело поле – разбежались от страшных ударов враги, отступили до поры до времени. Не знали они, как бороться с непобедимым воином. Смотрели издалека и ждали.

– Илья, я твой должник, – бодро проговорил князь, и не думавший уже, что переживёт этот день. – Я прилюдно сегодня же объявлю тебя победителем кулачного боя, а Карапуза...

– Вот и славно, – согласился Илья, которому почему-то стало это всё неинтересно.

– Но ты же... Ты же вернёшься на службу? – испуганно спросил князь, видя недовольство богатыря.

– Нет.

– Как нет?

– А как можно служить князю, который не имеет чести?

– Илья... Ну ты пойми, – забеспокоился правитель Чернигова, будто объясняя ребёнку, как пользоваться дорогой игрушкой, пока тот не поломал её. – Ты же был простым дружинником. Крестьянский сын с деревни Карачарача... Карачавара... Каравача... Это где вообще?

– Карачарово. В земле Муромской, – глухо отвечал Илья, не понимая, куда клонит князь.

– Вот именно. А за победу Карапуза предложили соболями шкуры. Дорогие они. Ты что вот за свою победу мне предложить мог? И что вообще предлагал? Ничего. Ты и так мне служишь. Честно служишь. Куда ж лучше? А тут соболями шкуры. Да и не знает тебя никто в народе...

– Я победил Карапуза. Он дрался нечестно. Сделать его победителем – позор. Да, ты спас меня, когда за мной гнались. Да, ты не побоялся отправиться вместе с дружиной на поединок. Это делает тебе честь, – говорил Илья правдивые слова князю, не страшась последствий. – Но позор... Он не забудется никогда. Все заслуги никогда не прикроют всего один неверный шаг.

– Тоже мне нашёлся прорицатель! – огрызнулся князь, опасливо поглядывая на орды печенегов, готовых вот-вот ринуться в атаку, если бы не Илья, пока ещё находившийся рядом. – Деньги от шкур службу исполнят мне. Или Чернигову. Неважно. А твоя победа ни стоила бы ни гроша. Одни убытки. О каком позоре ты говоришь? Черниговцы любят меня. Один ты недоволен. Так давай я сделаю тебя воеводой.

– Черниговцы любят тебя, потому что ты их князь. А мне ты никто. Я не стану тебе служить. Я недоволен, как ты говоришь. Ведь в моих глазах ты никогда не смоешь позора.

Князь злился. Никогда ещё его так не унижали простолюдины. Но в пределах полёта стрелы находились печенеги... Один лишь Илья мог спасти всех.

– Ты нужен не мне, а городу, – выдал князь последний довод. – Если ты бросишь меня и уйдёшь, печенеги нападут на Чернигов. Много добрых людей погибнет...

Пристально смотрел на князя Илья: есть и хорошее в нём, и плохое. Да, он продажный. Да, он хитёр. Но он не заслуживает смерти за свою подлость – князь любит Чернигов. Он готов защищать его ценой жизни.

– Я помогу тебе, если ты пообещаешь кое-что взамен.

– Что же? – лукаво осмотрел Муромца князь, думая услышать просьбу о роскошных хоромах.

– Перестань позорить честное имя правителя, – выговорил Илья, глядя в уверенные в себе глаза князя. Сначала прочитал в них недоверие, потом насмешку, а после увидел сомнение.

– А как ты проверишь?

– Никак. Но если я услышу от честных людей о твоём вероломстве, я вернусь в Чернигов. Обещаю. И призову печенегов, если понадобится...

Князь бросил взгляд на сверкающие купола церквей Чернигова, на высокую стену и ров, защищающий город.

– И я обещаю, – медленно проговорил он. – Я наведу порядок в городе. Мы хотим процветать и радоваться жизни. Спаси нас, Илья.

Положил руку богатырь на плеч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.